

**Результаты модернизации в Чили в 60 – 90-е годы XX века.**

В последние годы Чили привлекла к себе внимание динамичными темпами роста экономики и выдвиганием на одно из первых мест в Латинской Америке по уровню развития. Чили вышла на лидирующие позиции по производству на душу населения (12.400 долл. в 1999 г. против 10.000 долл. в Аргентине, 8.500 в Мексике, 6.150 в Бразилии). Детская смертность в Чили в 1999 г. была гораздо меньше, чем в других странах региона (9,6 на 1 тыс. детей в возрасте до 1 года, в то время как в Мексике и Венесуэле — 26, в Бразилии — 38), а средняя продолжительность жизни — максимальной (75,7 года, тогда как в Аргентине — 75, в Мексике — 71, в Бразилии — 63). Грамотность превысила 95% населения старше 15 лет (только в Аргентине она выше — 96%, в Мексике же — 89,6%, в Бразилии — 83%).

Широко распространилось убеждение, особенно среди сторонников современного экономического «неолиберализма», что своими нынешними успехами Чили обязана диктатуре Пиночета (1973—1990), который твердой рукой покончил с хаосом и анархией, обеспечил порядок и стабильность в стране и с помощью «шоковой терапии» в духе монетаристских неолиберальных концепций «Чикагской школы» осуществил «экономическое чудо», прорыв Чили от стагнации и отсталости к экономическому процветанию. Тезис о Пиночете — «спасителе Чили» популярен и в России.

Подобные утверждения далеки от реальности. Прежде всего, политику модернизации Чили нельзя сводить лишь к периоду правления Пиночета. Разные варианты модернизации чилийского общества воплощались в жизнь, принося определенные плоды, на протяжении многих десятилетий. Уже в XIX в. Чили одна из первых в Латинской Америке вступила на путь капиталистического развития и на протяжении всего XX в., задолго до Пиночета, вхо-

---

\* Эта статья (текст выступления на конференции «Исторические судьбы Латинской Америки в XX веке» в мае 2000 г.) является данью памяти крупного ученого-латиноамериканиста Александра Ивановича Строганова, безвременно ушедшего в 2002 г.

дила в тройку наиболее передовых стран региона по уровню промышленного развития, урбанизации, грамотности, социального прогресса. За 1938 – 1958 гг. объем промышленной продукции в Чили вырос в 2,4 раза. В 1970 г. на долю Чили приходилось 5,4% валового продукта и 6% промышленной продукции Латинской Америки, в то время как население Чили (9 млн. человек) составляло 3% жителей региона. По ВВП на душу населения (835 долл. в ценах 1970 г.) Чили намного опережала средний по региону уровень (548 долл.) и такие страны, как Мексика (685) и Бразилия (397), уступая лишь Аргентине, Венесуэле и Уругваю. Доля промышленности и смежных с нею отраслей инфраструктуры в ВВП Чили в 1970 г. достигала 53%, а сельского хозяйства — 8,6%. По соотношению этих показателей страна лидировала в Латинской Америке. Лица наемного труда составляли 70% экономически активного населения (ЭАН). В городах проживало 75% чилийцев, в то время как в целом по региону — 57,4% населения. По грамотности граждан старше 15 лет (89%) Чили также оставила далеко позади другие страны (Бразилия — 66,2%, Мексика — 74,2%), уступая лишь Аргентине и Уругваю.

Чилийское общество имело зрелую социальную и политическую структуру, давние укоренившиеся традиции конституционности, политической демократии и многопартийности. Так что Пиночету досталась не отсталая и стагнирующая, а одна из передовых стран региона.

В то же время, как и остальные государства Латинской Америки, Чили относилась к странам «второго эшелона» развития капитализма и значительно отставала от передовых индустриальных держав, оставалась в сильной зависимости от них, принадлежа к аграрно-сырьевой периферии мирового капиталистического рынка. Остро стояли задачи преодоления господства иностранного капитала (в первую очередь американского) в основной, меднорудной, и других отраслях добывающей промышленности, с тем, чтобы доходы от них направить на развитие национальной экономики. В состоянии застоя пребывало сельское хозяйство, где господствовал традиционный латифундизм со значительными до-капиталистическими пережитками, кабальными формами найма. 1,3% хозяйств (площадью св. 1 тыс. га) владели 73% земельных угодий, тогда как 47,5% всех хозяйств (менее 5 га) — лишь 0,67% угодий. Росли затраты на импорт продовольствия (в начале 60-х годов — до 120 млн. долл. в год). Страна нуждалась в глубокой аг-

рарной реформе. Требовали решения важные социальные проблемы: большие массы населения все еще жили в бедности, многие не были обеспечены стабильной работой, в городах росли «поселки нищеты». Все это и обусловило насущную потребность республики в дальнейшей модернизации экономики и социальных отношений.

Чили являет уникальный пример в регионе в том отношении, что в 1964 – 1990 гг. она испытала все 3 основные варианта модернизации, характерные для Латинской Америки второй половины XX в.: реформистский (христианско-демократическое правительство Эдуардо Фрея 1964 – 1970 гг.), леворадикальный (правительство Народного единства во главе с Сальвадором Альенде 1970 – 1973 гг.) и, наконец, правоавторитарный, в духе неолиберализма (военная диктатура генерала Аугусто Пиночета 1973 – 1990 гг.). Все 3 варианта осуществлялись в Чили с наибольшей полнотой и последовательностью по сравнению с большинством стран региона. При всех глубоких различиях, эти варианты не только противостояли один другому, но и наследовали достижения предшествовавших этапов и дополняли друг друга. 90-е годы стали новым, 4-м этапом модернизаторской политики. Так что нынешние успехи и достижения Чили — результат как предшествовавшего развития республики, так и всех этих 4-х этапов преобразований. Диктатура Пиночета была лишь одним из звеньев на пути модернизации Чили и во многом опиралась, а в определенной степени и паразитировала на достижениях предшествовавших периодов.

Христианско-демократическое правительство Эдуардо Фрея (1964 – 1970) предприняло серьезную попытку решить насущные проблемы страны с помощью реформ. Закон 1967 г. об аграрной реформе предусматривал экспроприацию за выкуп помещичьей земли сверх лимита, эквивалентного по продуктивности 80 га орошаемых земель. До конца президентства Фрея было экспроприровано 3,4 млн. га помещичьих владений, переданных в руки 29 тыс. крестьянских семей. Латифундизму был нанесен ощутимый удар, хотя большая часть помещичьих земель еще оставалась у их владельцев. Были сняты ограничения на создание профсоюзов в деревне, расширены права сельских тружеников, повышена их зарплата.

К 1970 г. государство выкупило у меднорудных компаний США 51% их акций. В перспективе предполагалось со временем выкупить и остальные акции. Но по договору о техническом со-

трудничестве американские компании сохранили административный контроль над рудниками.

Правительство Фрея увеличило роль государства в инвестировании производства. Значительно возросли расходы на здравоохранение и народное образование. Было открыто много новых школ, увеличилось количество студентов. Развернулось жилищное строительство.

Особое значение правительством придавалось «социальной мобилизации» населения — созданию под эгидой правящей христианско-демократической партии (ХДП) широкой сети организаций жителей народных кварталов, домохозяек, молодежи, неорганизованных трудящихся города и деревни, чтобы превратить пассивные прежде слои населения в организованную массовую опору реформистской политики ХДП. «Социальная мобилизация» должна была олицетворять развитие общественного самоуправления. В это движение включились и левые силы. «Социальная мобилизация» приняла большие масштабы и сопровождалась усилением левых тенденций, в том числе в рядах самой ХДП.

Однако правительству не хватило средств на выполнение всех намеченных планов. Большие суммы шли на выкуп акций медно-рудных компаний. Увеличились расходы на импорт машин и оборудования. До 2,8 млрд. долл. выросла внешняя задолженность и увеличились выплаты по ней. Прирост добычи меди оказался меньше запланированного. Темпы роста ВВП в 1966 г. достигли 6,8%, но в 1967 – 1969 гг. уменьшились до 2 – 2,5% в год. Не удалось справиться с инфляцией, достигшей в 1970 г. 35%. Разорялись мелкие производители, безработица превысила 8% ЭАН. В стране не прекращались забастовки. Столкновения бастующих с полицией и войсками приводили к жертвам, что вызывало возмущение трудящихся. Требования более радикальных преобразований, выдвигавшиеся коммунистами, социалистами и другими левыми силами, встречали все большую поддержку, в том числе и среди христианских демократов. Но росло и активное противодействие реформам правых, консервативных сил, ибо начавшиеся преобразования серьезно задели интересы имущей верхушки.

Возникла парадоксальная для ХДП ситуация: реформистские преобразования, имевшие целью удовлетворить требования широких масс населения и на этой основе сплотить нацию во имя модернизации общества, растревожили чилийское общество, пробудили у большинства населения ожидания более решительных пе-

ремен и неудовлетворенность достигнутым. Радикализация масс привела к победе на президентских выборах 4 сентября 1970 г. коалиции левых сил — социалистов, коммунистов и их союзников, объединившихся в блок Народное единство и выдвинувших лево-радикальный вариант модернизации общества на путях перехода к социализму.

3 ноября 1970 г. было сформировано правительство Народного единства во главе с социалистом Сальвадором Альенде. Его программа предполагала осуществление мирным, конституционным путем преобразований, которые подготовили бы условия для перехода к социализму. При этом должны были полностью сохраниться демократические права и свободы, конституционный строй, политический и идеологический плюрализм, сосуществование и взаимодействие разных форм собственности (государственной, кооперативной и частной). Такая попытка была предпринята впервые в практике левых революционных партий марксистской ориентации, что вызвало необычайный интерес к «чилийскому эксперименту» в мире.

При характеристике деятельности правительства Народного единства (1970 – 1973) следует иметь в виду, что оно не имело полной власти. Его сторонники были в меньшинстве в конгрессе. Правительство не могло вмешиваться в дела армии, сохранявшей полную автономию. Запрещалось создание любых вооруженных организаций, кроме существовавших армии и военизированной полиции — корпуса карабинеров. В средствах массовой информации, в т.ч. на телевидении и радио, доминировали враждебные правительству силы. В основном прежней была и администрация.

Тем не менее, и в таких условиях деятельность правительства Альенде показала возможность осуществления революционных по сути преобразований в рамках мирного, конституционного пути. При поддержке христианских демократов был принят закон, на основе которого в июле 1971 г. были национализированы и поставлены на службу государству меднорудная и другие отрасли добывающей промышленности. Государственный контроль был установлен над крупными промышленными предприятиями, банками, внешней торговлей. Доля государства в ВВП превысила 40%. В результате ускоренного осуществления закона 1967 г. об аграрной реформе было покончено с латифундизмом. Была повышена реальная заработная плата в среднем на 18% к 1972 (при существенно большем повышении ее минимума). Это привело к

соответствующему увеличению народного потребления, что стимулировало рост производства. В 1971 г. ВВП вырос на 8,5%, а промышленная продукция — на 12%. Увеличились ассигнования на социальное обеспечение, жилищное строительство, здравоохранение и народное образование. Инфляция в 1971 г. уменьшилась с 35 до 19%, безработица в 1972 г. — с 8,3 до 3,8%. Расширились права рабочих и служащих на производстве.

Таким образом, правительство Альенде продолжило начатые правительством Фрея преобразования, доведя их до логического завершения и придав им более радикальный характер. Притом деятельность правительства Народного единства привела не к краху экономики, а, напротив, к значительному ее подъему в первые год — два. Это сопровождалось существенным расширением народной поддержки правительства. На муниципальных выборах 5 апреля 1971 г. партии Народного единства получили почти 51% голосов (против 36,3% в сентябре 1970 г.), а правые — немногим более 22% (в сентябре 1970 г. — 35%). Христианские демократы, занимавшие колеблющиеся, промежуточные позиции, в основном сохранили прежнее влияние (26,1%).

Однако левым силам не удалось развить достигнутые успехи. По мере углубления преобразований стало нарастать сопротивление их противников внутри и вне страны, которые использовали неполноту власти правительства, преобладание оппозиции в парламенте, в государственной администрации, в судебных органах, в средствах массовой информации, неподконтрольность армии правительству. Сильно осложнила положение правительства Альенде враждебная позиция к нему США, предпринявших эффективное экономическое воздействие на Чили (в т.ч. свертывание экономических и торговых связей, прекращение важных для Чили поставок оборудования и запчастей). США выбросили на мировой рынок по демпинговым ценам часть своих стратегических запасов меди, сбив цены на нее и соответственно сократив доходы Чили от ее экспорта.

Сказались ошибки и разногласия среди самих левых сил Чили. Компартия, сам Альенде выступали за консолидацию достигнутого на базе сотрудничества с мелкими и средними предпринимателями, на основе достижения взаимопонимания с ХДП и армией, при изоляции правых сил. Большинство же социалистов и некоторые другие левые и левацкие партии и группировки, угрожая разрывом с правительством, настаивали на дальнейших экспроприа-

циях, установлении «диктатуры трудящихся» и создании народных вооруженных организаций. Это использовала правая оппозиция, чтобы восстановить мелких собственников, ХДП и военных против Народного единства. Инициатива перешла к оппозиции. Усилился экономический саботаж. Стала ощущаться нехватка ряда товаров. Начались забастовки мелких собственников, владельцев автотранспорта — основного вида транспорта в Чили, предпринимателей, части служащих. В армии также возобладали противники правительства. Экономическая ситуация в стране начала быстро ухудшаться. Правительство Альенде все более теряло контроль за ситуацией.

В таких условиях и произошел военный переворот 11 сентября 1973 г., положивший конец леворадикальному варианту модернизации. В Чили на 16 с половиной лет утвердился военно-диктаторский режим генерала Аугусто Пиночета. Началось осуществление третьего, правоавторитарного варианта модернизации.

Оправдывая переворот, Пиночет и его сторонники утверждают, что правительство Альенде своей безответственной политикой привело страну к экономическому краху и лишь вмешательство армии и утверждение военной диктатуры спасло Чили от хаоса и обеспечило затем «экономическое чудо». На самом деле осложнение экономической ситуации в Чили в 1972 – 1973 гг. прежде всего было вызвано экономическим давлением США и саботажем предпринимателей и служащих — противников правительства Альенде, хотя, конечно, повлияли и раздоры, и проявления революционаризма в лагере левых сил. Кроме того, нельзя говорить о «развале экономики» и «хаосе» при Альенде. Так, даже оценивающий экономическую политику режима Пиночета как «экономическое чудо» А.Трушин признает: «Было бы неправильно говорить о развале экономики. Стартовая площадка для осуществления экономических реформ на момент прихода к власти военного режима находилась в хорошем состоянии» («Федеральное собрание», М., 1998, № 9, с.12). В самом деле, ВВП в 1971 г. вырос на 8,5%, в 1972 г. остался на уровне 1971 г. (по другим данным вырос на 5%). Рост промышленности в 1972 г. еще продолжался. И лишь в 1973 г. ВВП сократился на 3,6%, т.е. и в 1973 г. был заметно выше уровня 1970 г. Правда, резко подскочила инфляция (до 83% в 1972 г. и около 200% в январе – сентябре 1973 г.) и возросли перебои в снабжении, особенно из-за саботажа и забастовок, прежде всего владельцев грузовиков. Но само производство пострадало мало.

Оценивая пиночетовский вариант модернизации, прежде всего нельзя забывать, что Пиночет пришел к власти в результате кровавого военного путча и свержения демократического, конституционного правительства, в верности которому и конституции генерал клялся вплоть до дня переворота. В стране, славившейся демократическими традициями, Пиночет установил террористическую военную диктатуру, просуществовавшую 16 с половиной лет. За это время в условиях почти непрерывного осадного положения успело вырасти целое новое поколение чилийцев.

Сразу после переворота власть захватила военная хунта в составе командующих тремя родами войск и корпуса карабинеров. Главой хунты, вскоре утвержденным ею президентом Чили на неопределенный срок с чрезвычайными полномочиями, стал Пиночет, недавно, в августе 1973 г., назначенный Альенде на пост командующего сухопутными силами и предавшим доверившегося ему главу государства.

Вся страна была объявлена в состоянии «внутренней войны» с «марксизмом», введено осадное положение. Было отменено действие конституции 1925 г., гражданских и политических свобод, распущен Национальный конгресс. Объявлены «вне закона» партии Народного единства, запрещен Единый профцентр трудящихся (1 млн. членов). Деятельность всех остальных партий (в том числе и правых) также запрещалась. По всей стране проводились массовые облавы. Тысячи и тысячи чилийцев подверглись арестам, изувечным пыткам, были убиты без суда и следствия, «пропали без вести». Национальный стадион и другие стадионы, заброшенные горняцкие поселки в пустыне, военные казармы и иные объекты были наводнены схваченными в облавах гражданами и превращены в концентрационные лагеря, ибо тюрьмы могли вместить лишь незначительную часть арестованных. Аресты и убийства оппозиционно настроенных чилийцев продолжались вплоть до последних месяцев существования диктатуры.

Каковы общие масштабы репрессий 1973 – 1990 гг.? В 1991 г. специальная комиссия по расследованию заявлений о «пропавших без вести» представила отчет, документально подтвердивший факт гибели от рук диктатуры 2.279 граждан. В последнее время часто ссылаются на эту цифру как общее количество погибших от репрессий. Сама по себе эта цифра в наше время для небольшой страны, с демократическими традициями, уже впечатляет. Однако это лишь небольшая часть погибших. Во-первых, осталось еще



1.200 заявлений родственников о «пропавших без вести», судьбы которых документально установить не удалось. Во-вторых, много граждан гибло и исчезало бесследно. В третьих, было много погибших и умерших в тюрьмах, в стычках с армией и полицией. Так что общее число жертв диктатуры было гораздо больше. Подсчитать их точное число вряд ли когда удастся. В печати, в международных комиссиях по расследованию преступлений хунты в 70-х годах назывались цифры погибших в первые месяцы диктатуры до 20 – 30 тыс. человек.

Нельзя забывать и о тех, кто уцелел, но тоже испытал аресты, жестокие пытки, угрозу гибели. Общее число подвергшихся арестам и задержаниям за годы диктатуры также трудно установить. Упомянут цифру почти 500 тыс. человек. И еще надо учесть, что число жертв было бы гораздо большим, если бы не протесты мировой общественности, международных организаций и правительств многих стран и если бы десятки тысяч чилийцев не эмигрировали, спасаясь от репрессий, в том числе с помощью посольств ряда государств. Многие вынуждены были покинуть родину также и по экономическим причинам. Общее число чилийцев, бежавших из страны в годы диктатуры, достигло 1 млн. человек. И это в республике, где в 1970 г. проживало всего 9 млн. человек!

Пиночет и его сторонники всячески старались и стараются отрицать, замолчать или хотя бы сильно занижить масштабы репрессий. Установление диктатуры и аресты ее противников они оправдывали необходимостью покончить с хаосом и анархией, с угрозой утверждения в Чили «коммунистической диктатуры». Они утверждают, что Альенде и его сторонники в 1973 г. первыми развязали в стране открытую гражданскую войну, и военные вынуждены были пресечь ее и защитить демократию с помощью жестких, но необходимых «хирургических» мер по наведению порядка. Но если в чем и можно обвинять президента Альенде и его правительство, так это в том, что они до последнего момента старались скрупулезно соблюдать конституционные положения, в то время как их противники задолго до переворота далеко выходили за рамки законности в провоцировании и организации актов саботажа, беспорядков, открытого насилия. Более того, Альенде амнистировал участников антиправительственного военного мятежа 29 июня 1973 г. Уже в день переворота 11 сентября 1973 г. в прощальном обращении по радио к народу Альенде призвал не оказывать вооруженного сопротивления путчистам, чтобы не дать повода к мас-

совым репрессиям со стороны армии. Сам же Альенде остался до конца верен своим демократическим убеждениям и отказался покинуть пост конституционного президента, предпочтя отставке по требованию мятежников гибель на этом посту.

В свете сказанного очевидна немотивированность массовых кровавых репрессий со стороны хунты. Для демократической страны установление подобной террористической диктатуры и широкомасштабные аресты и убийства явились настоящим шоком. И подлинной, истинной причиной такого жестокого массового террора явилось не только и не столько стремление покончить одним ударом и с левыми силами (хотя и это имело место). Без кровавой бойни и жесткой военной диктатуры неолиберальный вариант преобразования экономики и социальных отношений, предложенный Пиночетом и его сотрудниками, был бы неминуемо отвергнут населением Чили и оказался бы попросту невозможен. Для его успеха было необходимо повергнуть все население в состояние «шока», страха и безысходности, обеспечить железный контроль властей над страной и над народом. Поэтому, когда ряд либерально настроенных авторов и политических деятелей, высказываясь за преобразования пиночетовского образца, все же стыдливо оговариваются, что они имеют в виду социально-экономические реформы Пиночета, но не его репрессии и диктаторские формы правления, которые они «не одобряют», надо отдавать отчет в том, что террористическая диктатура явилась неременным условием и орудием осуществления «неолиберального» варианта модернизации в Чили 70 – 80-х годов и нельзя одно отделить от другого.

И это понятно, ибо само по себе последовательное внедрение в экономику министрами Пиночета — воспитанниками «Чикагской школы» (для успеха которых, по их признаниям, режим Пиночета создал «идеальные условия»), концепций монетаризма и неолиберализма («шоковая терапия», «операция без анестезии») было также бесчеловечным, поистине «драконовским», имело трагические последствия для большинства чилийцев. Официально зарегистрированная безработица в стране в результате реформ увеличилась с 3,8% ЭАН в 1972 г. до 30,2% в 1975 г. (с учетом безработных — участников программы минимальной занятости в общественных работах) и в дальнейшем оставалась на таком же уровне, достигнув в 1985 г. 35,2% ЭАН.

Занятость в промышленности упала вдвое. Реальная зарплата в 1974 г. составила лишь 47% от уровня 1972 г. В дальнейшем она то

росла, то снова падала, но и в 1989 г. оставалась гораздо ниже, чем в 1972 г. Доля зарплаты в 1971 – 1972 гг. достигала 60% от ВВП, а в 1989 г. — к концу правления Пиночета — 38%. Число лиц, живущих ниже установленной экспертами ООН черты бедности, увеличилось с 15 – 17% в начале 70-х годов до 45 – 48% к концу правления Пиночета.

Таким образом, модернизация по Пиночету привела к резкому долговременному ухудшению положения большинства чилийцев, особенно беднейших и малоимущих слоев населения, и, напротив, такой ценой было достигнуто умножение богатств и доходов верхушки общества. О заметном снижении уровня жизни основной части граждан свидетельствует сокращение среднего годового количества калорий в питании на одного чилийца с 2.674 в 1969 – 1971 гг. (в среднем по Латинской Америке — 2.517) до 2.589 в 1983 – 1985 гг. (по региону — 2.700). Естественно, при усилении контрастов в уровне питания реальное потребление низов общества, при росте потребления имущих классов, сократилось гораздо больше, чем показывает усредненная официальная статистика. На долю 20% беднейших чилийцев в 1968 г. приходилось 4,3% национального дохода, а в 1983 – 1985 гг. — 3,3%, на долю же 20% зажиточного населения — соответственно 51,3% и 61%. По сравнению с периодом Альенде изменения будут еще более разительными.

Многое изменилось в социальной психологии чилийского общества. Свойственная широким слоям чилийцев культура коллективизма и солидарности заменялась социальной атомизацией, конформизмом, культурой страха, недоверием друг к другу. Искоренялось стремление к общению, единению, сопротивлению. Жестокость репрессий, разгром профсоюзного движения, огромная безработица вынуждали трудящихся из всех сил держаться за рабочие места, терпя низкую зарплату при резко возросшей интенсификации труда. Это и было основой роста производительности труда за счет значительного снижения расходов предпринимателей на рабочую силу по данному варианту модернизации производства. Общество долгие годы было лишено политического самовыражения, погружено в молчание и апатию, в состояние «социальной фрустрации» и бесперспективности. «Культура страха» стала фундаментом политической стабильности, необходимой для внедрения новой модели модернизации.

Принципиальная противоположность варианта модернизации по Пиночету и предыдущих вариантов правительств Фрея и Альенде в том, что модели последних имели ярко выраженную социальную направленность. Их целью было обеспечить развитие во имя улучшения жизни и расширения социальных прав прежде всего малоимущего и неимущего большинства народа, в том числе за счет большего или меньшего перераспределения в их пользу и на нужды развития части доходов имущих слоев общества, особенно их верхушки, а также укрепление национального суверенитета. Основной целью неолиберальной правоавторитарной модели модернизации было, напротив, обеспечение в первую очередь максимального роста доходов наиболее имущих, богатых слоев общества и транснационального капитала за счет дальнейшего обеднения наиболее обездоленных и ущемления национального суверенитета. 5 млн. чилийцев ощутили на себе только негативные последствия модернизации. Впрочем, экономистов-технократов, как и военные власти, это ничуть не смущало, ибо, по их расчетам, действительно, чем меньше расходов на рабочую силу, тем больше средств можно употребить на рост производства, тем оно прибыльнее для предпринимателей. Что же касается судеб миллионов обездоленных, то идеальным вариантом для творцов реформ было бы вообще избавиться от этого «человеческого балласта», как обузы для общества избранных.

Экономический рывок, который был бы достигнут такой дорогой для населения ценой вряд ли может быть занесен в актив пиночетовского режима и явиться образцом для подражания другим народам. Но и при таких огромных для основной части чилийцев жертвах, увы, «рывка», «экономического чуда», даже с точки зрения сугубо экономических, технократических подходов, диктатура Пиночета не явила миру.

В Чили при Пиночете настойчиво и последовательно внедрялись монетаристские и неолиберальные концепции транснационализации местной экономики по рецептам «Чикагской школы», для чего производственная структура должна была быть перестроена в соответствии с потребностями мирового рынка и доминирующих на нем ведущих транснациональных корпораций (ТНК) и мировых финансовых центров. Сотни государственных предприятий были возвращены их прежним владельцам, что привело к восстановлению и укреплению позиций местных и иностранных компаний. Однако и после денационализации госсектору принадлежала зна-

чительная часть предприятий. Медные рудники, национализированные при Альенде, остались государственными, но за их национализацию была выплачена крупная компенсация. Была осуществлена радикальная либерализация внешней торговли (снижение таможенных барьеров с 94 до 10%). Это создало благоприятные условия для обильного притока в страну иностранных товаров и капиталов. Увеличилось поступление займов и кредитов из-за рубежа.

В сельском хозяйстве из 10 млн. га экспроприированных в 1965 – 1973 гг. земель 2,8 млн. га к 1978 г. были возвращены прежним владельцам. Коллективная собственность преобразовывалась в частную (хотя разные формы кооперации все же сохранились). Ставка делалась на укрепление сельской буржуазии и зажиточного фермерства с товарной экспортной ориентацией хозяйства. Более трети крестьян, получивших землю, разорились.

Была осуществлена частичная модернизация производства, повысилась техническая оснащенность, энерговооруженность и производительность труда (за счет его интенсификации и сокращения оплаты рабочей силы) на крупных предприятиях экспортных отраслей — медно- и железорудной, целлюлозно-бумажной. С 1971 по 1983 г. продукция медной промышленности выросла на 70% при уменьшении персонала на треть.

Но одновременно разорилась масса национальных предприятий, ориентированных на внутренний рынок, которые не выдержали конкуренции с дешевыми импортными товарами, наводнившими чилийский рынок. Повлияло и общее значительное снижение покупательной способности большинства населения в результате социальной политики хунты. В первые же годы военного правления, в 1974 – 1975 гг., Чили оказалась ввергнутой в глубокий экономический кризис. В 1975 г. ВВП упал на 12,9%, а промышленное производство — на 25%. Почти полностью были разрушены такие отрасли, как металлургия и металлообработка, производство транспортных средств. Сильно пострадало машиностроение. Многие специалисты говорят даже о «деиндустриализации» экономики Чили при Пиночете. Инфляция в 1974 г. подскочила до 605% и оставалась очень высокой в 1975 (474%) и 1976 гг. (312%). Именно в это время безработица достигла 30% ЭАН.

Только с 1976 – 1977 гг. началось постепенное «выползание» из кризиса. В 1978 г. был достигнут уровень производства 1973 г. (года «экономического краха» и «хаоса», по словам Пиночета и его

защитников). В 1977 – 1980 гг. ВВП стал расти довольно быстро (до 8 – 8,5% в год). Инфляцию удалось сбить до 19,7% в 1981 г. Но начавшийся подъем выражался главным образом в росте экспортных производств (меднорудной и целлюлозно-бумажной промышленности, фруктов), а также в буме финансового спекулятивного капитала. В 1980 г. ВВП Чили на 19% превысил уровень 1973 г. Но уже в 1981 г. темпы роста упали и с конца 1981 г. страна оказалась ввергнутой в новый разрушительный кризис. На сей раз разорились и подвергшиеся модернизации отрасли, крупные состояния, нажитые в предыдущие годы. В 1982 г. ВВП упал на 14,3%, а промышленное производство — на 21,7%. Продукция обрабатывающей промышленности в 1982 г. составила лишь 74% от уровня 1973 г. В 1983 г. ВВП сократился еще почти на 1%. По производству на душу населения к 1983 г., после 10 лет реформ Пиночета, Чили оказалась отброшенной на уровень 60-х годов.

Все это заставило Пиночета в 1982 г. вопреки «чикагским» рецептам предпринять энергичное государственное вмешательство в экономику. Был установлен контроль государства над банками, произошел частичный возврат к протекционизму в отношении ряда национальных производств, таможенные тарифы были повышены с 10 до 35% в 1984 г. Нормализовав экономику, правительство в 1984 – 1985 гг. вернулось к прежнему неолиберальному курсу, но в более смягченном варианте и с большей, чем до начала 80-х годов, долей государственного регулирования (государственное финансирование экспорта некоторых товаров, гарантированные цены на сельскохозяйственные продукты и др. меры). Только теперь наконец начался устойчивый рост экономики, достигший в 1986 – 1989 гг. в среднем 6 – 6,5% в год. Инфляция упала до 12,7% в 1988 г.

Экономические успехи последних лет диктатуры, ставшие поводом для разговоров об «экономическом чуде», увенчавшем правление Пиночета, объяснялись рядом причин, в том числе отказом от наиболее одиозных сторон «шоковой терапии» в сторону более взвешенной политики. Стали сказываться результаты модернизации экспортных отраслей. Помог рост цен на медь и другие товары чилийского экспорта. Следует заметить, что режим Пиночета умело использовал результаты важнейших преобразований правительств Фрея и Альенде — национализации меднорудной промышленности и ликвидации латифундизма и докапиталистических пережитков в деревне: государство взяло под контроль процессы модернизации данных отраслей хозяйства и воспользо-

валось высокими доходами от экспорта меди (почти половина экспортных поступлений) и сельскохозяйственных продуктов. Это лишний раз доказывает, что оба главных революционных преобразования, осуществленные правительством Альенде (национализация меди и аграрная реформа), отвечали объективным потребностям развития Чили, так что даже Пиночет их не отменил, а воспользовался их результатами. Большую роль сыграл увеличившийся приток американских и других иностранных капиталов, привлеченных льготными условиями и дешевой рабочей силой. Дополнительные средства дала продолжавшаяся распродажа государственных предприятий. Более эффективному производству и некоторому ослаблению социальной напряженности способствовала продажа мелких акций компаний и банков населению, рост на волне начавшегося оживления экономики числа мелких собственников.

Каковы же были общие итоги экономического развития Чили к концу правления Пиночета? Было бы необъективно говорить о полном крахе экономической политики диктатуры. В конце концов эта политика увенчалась некоторыми успехами. Но ни о каком «экономическом чуде», даже на фоне чудовищной политической и социальной цены, заплаченной чилийским обществом, говорить не приходится. Устойчивый рост экономики в Чили возобновился после более чем 10 лет спадов и кризисов. Только в 1986 г. был достигнут докризисный уровень 1980 – 1981 гг. В 1989 г. — последнем году правления Пиночета — ВВП Чили лишь на 40% был выше уровня 1971– 1972 гг. Если учесть рост населения страны за 1970 – 1989 гг. с 9 до 12,7 млн. жителей, то ВВП на душу населения к 1989 г. едва превысил уровень 20-летней давности. Что же касается промышленности, то, как отмечают специалисты ЭКЛАК, вплоть до конца правления Пиночета процесс деиндустриализации все еще не был преодолен. Вряд ли это можно назвать «чудом». В целом за период диктатуры Чили сильно отстала по темпам развития от остальной Латинской Америки. С 1970 по 1990 г. удельный вес Чили в валовом продукте региона сократился с 5,4% до 3,2%, а в промышленном производстве — с 6 до 3%. Сохранилась преимущественно агро-сырьевая направленность чилийского экспорта. Резко выросла внешняя задолженность — с 3,3 млрд. долл. в 1973 г. до 21 млрд. в 1986 г. По ней пришлось выплачивать большие суммы (в 1989 г. внешнюю задолженность удалось несколько уменьшить — до 17,5 млрд. долл.). Чилийская экономика оказалась

под преимущественным контролем транснационального капитала, и ее развитие диктовалось теперь в гораздо большей степени из-за рубежа. В Чили существовали как бы 2 совершенно разных общества — страна владельцев компьютеров и кредитных карточек и страна обездоленного, пытающегося хоть как-то выжить населения.

Порой утверждают, что все же Пиночет в конце концов сам добровольно передал власть новому, демократическому правительству и этим выгодно отличается от других диктаторов. Говорят, что с самого начала целью его режима было, установив в стране порядок и стабильность, вернуть демократическое правление. И что последующее стабильное демократическое развитие Чили (как и экономический подъем 90-х годов) — его заслуга.

Увы, все было не так. Прежде всего, террористический режим Пиночета, согласно документам хунты и заявлениям самого Пиночета и идеологов режима, имел целью раз и навсегда покончить с традиционной представительной демократией, партийно-политической системой. Его намерением было утвердить совершенно новую «органическую демократию» в духе заимствованных у итальянского фашизма и испанского франкизма идей «корпоративного государства», с жестким контролем узкой группы лиц — «избранной элиты» — над всем обществом. Пиночет и его соратники в середине 70-х годов открыто солидаризировались с франкизмом 30 – 40-х годов и критиковали западную представительную демократию как неспособную отстоять идеологические, моральные и нравственные устои Западного общества.

Лишь демонтаж франкизма, крах диктатур в Португалии и Греции в середине 70-х годов, усилившиеся осуждения и изоляция режима Пиночета в мире заставили диктатора и его окружение умерить тон и во второй половине 70-х годов заговорить о будущей «либерализации» режима и о переходе в перспективе к «защищенной», «авторитарной демократии» с соответствующей конституцией. Имелось в виду сохранить авторитарный режим, приравняв его к «демократическому» фасад.

Дальнейшее усиление давления на диктатуру извне и нарастание внутренней оппозиции, расширение ее рядов вынудили диктатора в начале 80-х годов заявить о переходе к поэтапному, контролируемому хунтой восстановлению конституционного режима представительной демократии, но при исключении из политической жизни левых партий, при авторитарных полномочиях прези-



дента (Пиночета) с практически неограниченными возможностями продления его правления, при гарантированном контроле военного руководства над политической жизнью страны. Речь шла о выхожденной, сильно урезанной представительной демократии, о сохранении многих черт правоавторитарного режима. Такому образцу соответствовала конституция 1980 г. Но ввод в действие основных статей и этой конституции откладывался по крайней мере до 1989 г. Хотя в марте 1981 г. остальные 3 члена хунты объявили Пиночета отныне «конституционным президентом» и много говорилось о «либерализации» режима, на деле диктатура вплоть до конца 80-х годов осталась прежней и сохранила свой террористический и репрессивный характер.

И лишь мощный вал антидиктаторских выступлений 1983 – 1986 гг., ликвидация всех остальных авторитарных режимов в регионе, усилившиеся колебания в окружении Пиночета заставили его с 1987 г. пойти на поиски путей к дальнейшему отступлению и предложить плебисцит (вместо выборов) 5 октября 1988 г., на который его сторонники шли с лозунгами «демократизации» с Пиночетом во главе. Пиночет надеялся заручиться победой на плебисците, проводимом под контролем диктатуры. Но 55% участников плебисцита проголосовали против Пиночета. Это застало его врасплох, обсуждалась идея аннулирования итогов плебисцита. Окружение Пиночета посчитало такую идею слишком рискованной и убедило диктатора признать итоги голосования.

И после этого Пиночет еще цеплялся за власть больше года. В конце концов активизировавшиеся объединенные силы оппозиции в 1989 г. добились поправок к конституции 1980 г., существенно (хотя и не полностью) демократизировавших ее содержание, и победили на всеобщих выборах 14 декабря 1989 г. кандидата пиночетистов. 11 марта 1990 г. Пиночет вынужден был передать власть новому, демократическому правительству во главе с лидером ХДП Патрисио Эйльвином. К власти пришла левоцентристская коалиция, основой которой стал союз ХДП и Социалистической партии. Руководители именно этих партий возглавляли правительства 1964 – 1973 гг., на смену которым в 1973 г. пришел Пиночет.

Таким образом, переход диктатуры к демократии явился не «подарком» Пиночета, а результатом долголетней упорной борьбы оппозиционных сил и международного давления на диктатуру. Но Пиночет и тут добился ряда условий, ограничивавших полномочия нового правительства. Пиночет на 8 лет был утвержден не-

сменяемым командующим армией, после чего он становился пожизненным неприкосновенным сенатором. Армия осталась автономной от правительства, под контролем Пиночета и его сторонников, сохраняла важные «охранительные» функции в общественно-политической жизни страны. Военные освобождались от ответственности за репрессии прошлых лет. Сторонники Пиночета преобладали в Верховном суде и в администрации. Предстояла еще длительная борьба за дальнейшую демократизацию страны, не завершенная до сих пор.

Новый, 4-й этап модернизации чилийского общества, принятый левоцентристскими правительствами в 90-е годы, стал своеобразным комбинированным «триединым» итогом предшествовавших этапов, унаследовав в новых условиях те или иные их элементы. Правительства П.Эйльвина (1990 – 1994) и Э.Фрея — сына (1994 – 2000) продолжили политику либерализации экономики и внешней торговли, привлечения иностранного капитала. Но прежний курс был существенно скорректирован государственным регулированием. В валовом национальном продукте доля государства осталась на уровне более 20%. Особое внимание уделялось производственным инвестициям, поддержке и обновлению средних и мелких предприятий, крестьянских хозяйств, развитию инфраструктуры. Лишь теперь, с начала 90-х годов, ускорилось создание новых производственных мощностей. Об изменении качественных характеристик экономического роста свидетельствуют следующие данные: в среднем за год в 1978 – 1987 гг. рост ВВП составлял 3,4%, в 1993 – 1997 гг. — 6,3%. Вклад труда в этом приросте в первом случае равнялся 1,6% из 3,4%, во втором — 1,1% из 6,3%. Вклад капитала — соответственно 0,9% и 3,4%.

Такая политика сопровождалась бурным долговременным экономическим подъемом. За 1991 – 1997 гг. ежегодный прирост ВВП в среднем составил 8,3% — намного выше остальных стран региона. Еще быстрее развивалась промышленность. В среднем производство в стране за 90-е годы удвоилось. Инфляция опустилась ниже 10% в год. Быстро рос оборот внешней торговли. Повысилась конкурентоспособность чилийского экспорта, хотя в нем по-прежнему преобладали агро-сырьевые товары (медь, фрукты, продукция лесного и рыбного хозяйства). В отличие от большинства латиноамериканских стран Чили сохранила активный внешнеторговый баланс и превышение бюджетных доходов над расходами. Валютные резервы Чили выросли в несколько раз. Чилий-

ский капитал все настойчивее внедрялся в экономику других, прежде всего соседних стран. Правда, в самой Чили еще более усилились позиции транснационального капитала. Внешний долг вырос с 18,6 млрд. долл. в 1990 г. до 39 млрд. в 1999 г. И, как уже отмечалось, Чили вышла на лидирующие позиции в регионе по производству на душу населения. Все эти достижения позволяют говорить об «экономическом чуде» в Чили, но применительно к 90-м годам, к левоцентристским демократическим правительствам.

Правительства 90-х годов стремились сочетать экономическое развитие с социальным. Были увеличены расходы на программы борьбы с бедностью и нищетой, трудоустройства и повышения квалификации работников, жилищного строительства, развития здравоохранения и образования. Правда, рост платных услуг в сфере здравоохранения и образования затруднял доступ к ним бедных слоев населения. Были созданы сотни тысяч новых рабочих мест. Повышалась реальная заработная плата, средний размер которой в 1996 г. наконец достиг уровня периода Альенде, а затем превысил его. Удельный вес живущих ниже черты бедности за 90-е годы уменьшился с 40 – 45% до 22% от населения Чили в 1998 г. (к 2000 г. в Чили проживало 15 млн. человек). Тем не менее это еще была значительная цифра, превышавшая показатели начала 70-х гг. (15 – 17%). Сохранились острые социальные проблемы и контрасты. В 1998 г. на долю 10% беднейшего населения Чили приходилось всего 1,2% национального потребления, а на долю 10% наиболее имущего — 41,3%.

В конце 90-х годов экономическое развитие Чили застопорилось. Повлиял мировой финансовый кризис 1997 – 1999 гг. Сократились займы и кредиты, хотя рост прямых иностранных инвестиций продолжался. Уменьшились цены на чилийский экспорт и доходы от него, валютные резервы. Пришлось ужесточить денежно-кредитную политику и урезать бюджетные расходы. Финансовое положение стабилизировалось, но рост ВВП в 1998 г. составил уже непривычные для Чили 3,4%, а в 1999 г. ВВП снизился на 1%. Безработица, ранее уменьшившаяся до 5–6%, достигла 9–11%.

Модернизаторская политика правительств 90-х годов базировалась на наследии не только итогов периода Пиночета, но и преобразований Альенде 1964 – 1973 гг., а также на уже достигнутые к 60-м годам XX в. результаты исторического прогресса Чили. Важно отметить, что 90-е годы показали возможности в целом успешного продвижения по пути модернизации экономики и обще-

ства в условиях конституционных форм правления, демократических свобод и при сочетании экономического роста с улучшением уровня жизни большей части населения.

Вместе с тем, ситуация в Чили на пороге XXI в. свидетельствует о нерешенности многих проблем развития. Задачи модернизации чилийского общества все еще остро стоят перед Чили, особенно в социальном плане. Решение их осложняется и общей ситуацией в мире, усилившейся подчиненностью Чили, как и других стран мировой периферии, диктату интересов ведущих центров мирового капиталистического хозяйства, пагубными для этих стран последствиями того варианта неолиберальной модернизации, который безальтернативно навязывается им транснациональным капиталом высокоразвитых стран Запада.